

ИСТОРИЗМ

Л. Пикард

ВИКТОРИАНСКИЙ ЛОНДОН. ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА. ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ В СИДНЕМЕ Перевод В.С. Кулагиной-Ярцевой

Аннотация. Всемирная выставка состоялась в 1851 в Лондоне. Для нее был специально построен «Хрустальный дворец». Павильон стал прообразом новой конструктивистской архитектуры. В Выставке приняли участие более 17 тысяч экспонентов, представивших более ста тысяч экспонатов. За несколько месяцев «Хрустальный дворец» посетили около 6 миллионов человек.

Ключевые слова: филология, королева Виктория, Общество ремесел, проект Пакстона, стеклянные панели, бриллиант «Кохинор», экскурсии, доисторические животные, «Хрустальный дворец», пожар 1936 г.

Picard, L. Victorian London. The Life of a City 1840-1870, Weidenfeld & Nicolson. — London, 2005.

Всемирная выставка

Подходящие условия — чартисты — Королевское общество ремесел — место для застройки — цель Выставки — здание — открытие — билеты — буфеты — туалеты — экспонаты -- статуи — бриллиант «Кохинор» — преступники и революционеры — посетители — Королева — герцог Веллингтонский — железнодорожные экскурсии — паломница из Пензанса — количество посетителей — день закрытия.

Наконец пришло время, когда мы можем перейти к величайшему событию века: Всемирной промышленной выставке¹. Но не сразу. Ей предшествовали планы, обсуждения, напряженность, трения и ссоры. День открытия, 1 мая 1851 г., приближался, а ничего не было окончательно готово...

1848-й вошел в историю как «год революций», беспрестанно вспыхивавших по всей Европе. В Англии чартисты горячо выступали за социальные реформы, но

запланированный ими большой митинг в Кеннингтоне, южном пригороде Лондона, откуда они собирались пройти маршем к зданию Парламента, сорвался. Все мосты через Темзу были блокированы. О'Брайен, лидер чартистов, осознав, что его сторонники не могут победить, велел им тихо расходиться. Так они и сделали. Самому О'Брайену было разрешено перевезти петицию через реку в трех кэбах и оставить в Палате общин.

Когда чартистскую петицию, которая, как считалось, была поддержана пятью миллионами подписей, тщательно изучили в Парламенте, оказалось, что под ней стоит не более полутора миллионов подписей. Среди них оказалось множество явных подделок. Имя герцога Веллингтонского повторялось семнадцать раз, а среди известных персон, которые были горячими сторонниками «Хартии» — и продемонстрировали это, подписываясь несколько раз, — оказались королева, принц Альберт... и «Панч»! Зачастую вместо подписей стояли ругательства и непристойности, фразы на сленге или грубые слова. Тем самым все движение оказалось покрыто позором и превращено в посмешище².

Конфликты с чартистами продолжались и летом, но угроза революции миновала. 1849-й ознаменовал начало экономического бума. Англия обладала огромными ресурсами природных богатств, таких как уголь и железо, у нее был налажен стабильный импорт хлопка. Благодаря новой

¹ Существует масса литературы о Всемирной выставке, как современной ей, так и новейших времен. В последней категории я пользовалась — и получала от этого удовольствие — книгами: Leapman Michael. The World for a Shilling. London 2001; Davis John. The Great Exhibition. Stroud, Gloucestershire, 1990; Briggs Asa. Victorian Things. London 1990 (rev. edn).

² Society, Politics and Diplomacy 1820-1864: passages from the Journal of Francis W.H. Cavendish (без имени издателя). London, 1913.

молодой королеве была восстановлена популярность монархии, а плодovitость королевской четы исключила всякую опасность регентства или даже еще одного восхождения на престол женщины. Небосклон омрачали всего два маленьких облачка. Первым было то, что Альберт, с которым Виктория сочеталась браком в 1840, был — откровенно говоря — всего-навсего иностранцем. Другим, не столь явным — возрастающая угроза промышленного соперничества со стороны Америки и европейских государств, в частности, Франции.

Французы, казалось, обладали умением создавать вещи, которые действовали лучше — выглядели лучше — *продавались* лучше, чем наша продукция, невзирая на то, что она была вполне надежна. Джон Буль был бы рад продемонстрировать солидность своей репутации и пренебрежение к иностранцам. Поэтому в 1754 г. было создано Общество поощрения ремесел, промышленников и торговли. Обычное сокращение названия «Общество ремесел» (в 1847 оно сделалось Королевским) не дает представления о его влиянии в промышленном и торговом мире, в частности, в техническом изобретательстве, которое Общество поддерживало премиями и соревнованиями. Альберту, более образованному и шире мыслящему, чем его царственная супруга, этот *modus operandi* был знаком — он находил его превосходным, — именно таким образом действовали в Германии. В 1847 г. Альберт возглавил Общество.

Именно там и тогда в результате многочисленных дискуссий родилась идея Всемирной выставки. Кто бы ни сказал решающее слово, Генри Коул из Королевского общества ремесел или принц-консорт Альберт, но именно у них родилась инициатива, которая вызвала к жизни Всемирную выставку. В январе 1850 была утверждена королевская комиссия под председательством Альберта, члены ее были тщательно подобраны и представляли любой аспект жизни Британии, кроме, разумеется, жизни трудящихся. Выставка должна была открыться через 17 месяцев.

Она требовала финансовой поддержки. Она требовала здания. Она требовала места. Она требовала рекламы. Деньги появились в результате энергичного создания фондов, участие в них Альберта по понятным причинам не афишировалось, чтобы не было разговоров вроде «Что он о себе думает?». Проект здания, разумеется, выбирали на конкурсной основе, но комиссию не удовлетворил ни один из представленных проектов. С небольшим нарушением правил конкурса и с удивительной скоростью Джозеф Пакстон, управляющий садами герцога Девонширского, создатель великолепной оранжереи в Чатсуорте, представил проект, который был принят. Но где можно было возвести здание? В Баттерси-филдсе? В Виктория-парке? В Кью? В Гайд-парке? Никак не в Гайд-парке. Нельзя позволить пугать лошадей в Роттенроу, нарушать покой богатых обитателей по соседству,

уничтожать деревья... Об этом не может быть и речи. Но так или иначе все другие возможные места оказались неподходящими, и выставку решили устроить в Гайд-парке. В конце концов, здание простоит всего несколько месяцев. Последнее возражение, что придется рубить деревья, чтобы освободить место для строящегося здания, отпало, когда Пакстон несколько изменил проект, поместив деревья под крышу, словно гигантские тепличные растения³. Все они остались целы.

Оставалось разрекламировать идею среди широкой публики, от которой зависел успех проекта в целом. Альберт обладал высокими идеалами и острым политическим умом. В речи в резиденции лорд-мэра Лондона, представляя проект, он сказал: «Никто... из тех, кто обращает хоть какое-то внимание на особые черты настоящего времени, не усомнится ни на секунду, что мы живем в период самых чудесных изменений, которые ведут к завершению этой великой эпохи тем, на что указывает вся история — осуществлением единения человечества»⁴.

На практическом уровне Выставка должна была показать миру — или той его части, которая посетит Гайд-парк, — все лучшее в области сырья и технического изобретательства, что, в свою очередь, должно было способствовать улучшению вкуса публики и ее просвещению в области техники, в чем Англия очень нуждалась. Подспудной мыслью выставки было превосходство британских экспонатов, которые — как надеялись — будут свидетельствовать сами за себя. При этом не было намерения превратить выставку в знаменитую торговую ярмарку. Некоторые участники выставки возражали против запрета торговли, но им пришлось удовлетвориться проведением опросов, которые могли впоследствии способствовать торговле; цены нигде не проставлялись. В выставке приняли участие более 17 000 экспонентов, предоставив более 100 000 экспонатов. Отбор экспонатов проводился на основе классификации, выделявшей пять разделов: сырье, оборудование, готовые товары, прикладное искусство и то, что не поддавалось классификации — разное. Четкое деление иногда нарушалось условиями организации и осуществления работ — сумеют ли поднять громоздкое оборудование по лестнице? — по-

³ Идея не нова. В 1849 Английскому банку требовалось переделать помещения в здании, спроектированном сэром Джоном Соуном в 1788. В саду было возведено временное здание. «В саду росло две липы, и были приняты специальные меры, чтобы защитить их от повреждений, над ними была построена крыша временного служебного помещения, стволы закрыли досками. Один журналист саркастически заметил, что «работа... кажется, переносится в экзотический дендрарий»». Acres W. Marston. *The Bank of England From Within*. London, 1931.

⁴ Цитируется в книге: Newsome David. *The Victorian World Picture*. London, 1997.

этому я сомневаюсь, что посетители всегда чувствовали логику, стоящую за тем, что они видят⁵.

Пресса держала своих читателей в курсе происходящего в Гайд-парке. Интерес был велик, и к досаде подрядчиков были выпущены билеты, позволяющие наблюдать за строительством. Чтобы отбить охоту у тех, кто любовался строительством бесплатно, вокруг стройки возвели высокий дощатый забор. (Когда строительство подходило к концу, доски использовали для пола.) Чарльз Пью, почтенный чиновник из Дома правосудия, действовал в общем русле. В апреле 1851, за две недели до официального открытия Выставки, «сделав вид, что идет в контору» на полтора часа, он «прогулялся вокруг Хрустального дворца... , заглядывая во все щели, но не увидел ничего, кроме неразберихи»⁶.

По мере того, как май 1851 приближался, публика была все более заинтригована. Лондонцам было известно применение стекла для теплиц. Оранжереи Лоддиджа в Хакни были знамениты огромной коллекцией орхидей и пальм, размещенных в стеклянных параболах с узкими чугунными ребрами 80 футов в длину, 60 футов в ширину и 40 футов в высоту в самой высокой точке. К 1830 г. пальмы до конца использовали свое жизненное пространство, и Пакстона пригласили сконструировать для них новую теплицу из клееного дерева и гнутого стекла. После 1844 года Десимус Бертон использовал чугун и стекло для своего огромного Палм-хауса в Кью. Стекло было довольно дорогим из-за налога, что заставляло некоторых домовладельцев загораживать окна на фасаде, чтобы избежать выплаты налога. В 1845 налог был отменен, спрос мгновенно вырос, что, в свою очередь, стимулировало новую производственную технологию. В 1850-м главные британские производители стекла, братья Чанс из Бирмингема, имели возможность принять заказ Пакстона на 900 000 квадратных футов, необходимых для его здания, в стеклянных панелях размером 49 на 10 дюймов, весом 16 унций квадратный фут.

По мере того, как работа двигалась, появлялись новые механизмы и техника. Пакстон разработал систему тележек, двигавшихся по придуманным им же желобкам в крыше, что позволяло восьмидесяти рабочим вставлять

18000 стекол за неделю⁷. Поскольку здание должно было быть, согласно условиям Комиссии, временным, под него не пришлось копать фундамент, только под основные вертикальные брусья. Все здание было возведено филигранно, наподобие домика из стеклянных карт. Первая партия чугунных колон была доставлена в сентябре 1850, и работа закипела. Число занятых на стройке рабочих возросло до 2000 человек, а каждое утро рядом со стройкой толпились люди, надеясь, что их тоже возьмут на работу. В какой-то момент была объявлена забастовка, но ее быстро подавили, забастовщиков уволили, а на их место наняли иностранцев. Работать с этой чудовищной гладкой стеклянной конструкцией из бесконечных изготовленных заводским способом модулей было нелегко. Где завитки и орнаменты, где керамические затейливые украшения, присущие каждому уважающему себя зданию — и, к тому же, изрядно увеличивающие его стоимость? «Хрустальный дворец», как окрестил его «Панч», был просто инженерным сооружением.

Критики мрачно предрекали, что при первой же грозе стекло разобьется, что под тяжестью зрителей здание обрушится, поэтому проводились испытания. Как только одна из галерей поднялась на несколько футов над уровнем земли, триста рабочих одновременно принялись изо всех сил бегать, прыгать и передвигаться по ней, но ничего не произошло. Затем по ней промаршировал отряд солдат, им было приказано сначала бежать, потом маршировать на месте в ногу, и опять ничего не произошло. Наконец, по только что сооруженной галерее прокатили ящики, в каждом из которых лежало 36 холостых 68-фунтовых снарядов, и вновь ничего не произошло⁸. Что же касается гроз, здесь позаботилось небо, послав за два дня до открытия сильную грозу с градом. Ни одна панель не разбилась. Публика принимала близко к сердцу все происходящее с Хрустальным дворцом, люди в omnibus-ах поворачивали головы и вскакивали с мест, чтобы получше разглядеть, в каком состоянии стройка.

Тем временем, экспонаты чудовищно опаздывали, иногда они попадали на экспозицию через несколько недель после открытия Выставки. Посетители, которые, как им казалось, уже все видели, в любой момент могли обнаружить что-то новое. В случае с несколькими русскими экспонатами задержка была понятной, она объяснялась неблагоприятной погодой. Американские экспонаты приходилось везти на огромное расстояние без правительствен-

⁵ Читатель тоже, безотносительно к книге Leapman, *op.cit.* Автору этой книги тоже не всегда удавалось уловить смысл понравившихся ей фрагментов экспозиции. Английские ювелирные изделия высоко ценились, а индийские и французские ткани, должно быть, были очаровательны. Все оценки зависели от индивидуального вкуса.

⁶ Рукописный дневник — Пью Чарльз. Bodleian MS Eng. Misc. d. 465-73, упомянутый в Heather Creaton, *Unpublished London Diaries*. London, 2003.

⁷ Piggot J.R. *Palace of the People. The Crystal Palace at Sydenham 1854-1936*. London, 2004.

⁸ Leapman, *op.cit.* Хотелось бы, чтобы конструктор моста Милленум через Темзу, прочитал об этих испытаниях, прежде чем был построен его печально известный качающийся мост. Викторянцы работали основательно.

ной поддержки. Некоторые из французских, итальянских и португальских экспонатов задерживались из-за сложности признать их подходящими для выставки. Но оправдать опоздания каких-либо британских экспонатов сложно⁹. Теоретически, экспонаты каждой страны-участницы демонстрировали уровень ее индустриальных достижений. На практике, однако, трудно было понять, как, к примеру, коллекция мягких игрушек-лягушек, изображающая бредущих людей, или котят, сидящие вокруг стола за чаем из Германского таможенного союза, могут дать представление о каком-либо аспекте индустриального развития, — хотя я уверена, что сделать их было очень просто.

***

Накануне открытия королева записывает в дневнике: «Мой бедный Альберт ужасно устал. То и дело нужно решить то один, то другой вопрос, возникают какие-то трудности, и все это мой возлюбленный воспринимает с величайшим спокойствием и пребывает в хорошем настроении»¹⁰. Когда в последний момент выяснилось, что не все готово, лорда Гранвилла (второе лицо после Альберта, глава Королевской комиссии) видели со щеткой в руках, энергично сметающего с помоста мусор за полчаса до назначенного времени прибытия королевских персон — все семейство собралось посмотреть, как идут дела, что было совершенно нестати. «Разумеется, еще многое следовало сделать». Но в этот волшебный день, 1 мая 1851 г., Виктория превосходит самое себя в дневниковых записях:

«Этот день — один из величайших и самых славных в нашей жизни... День, когда мое сердце переполняли чувства... Парк представлял собой прекрасное зрелище, по нему двигалась масса людей, проезжали экипажи, проходили войска, совсем как в день Коронации... День был чудесный, кругом царил суматоха и возбуждение. В половине двенадцатого вся процессия двинулась в девяти парадных королевских каретах. Вики [одиннадцати лет: старшая дочь Виктории] и Берти [десяти лет, будущий принц Уэльский] ехали в нашей карете, Вики... выглядела очень элегантно, Берти был одет как шотландский горец. Грин-парк и Гайд-парк были заполнены толпами народа, пребывавшего в прекрасном, праздничном настроении... Когда мы тронулись в путь, начался небольшой дождик, но прежде чем мы доехали до Хрустального дворца, вышло солнце, и лучи его засияли на огромном здании. Взгляд сквозь чугунные ворота Трансепта, машущие руки, цветы, тысячи людей, заполнивших галереи и сидения, фанфары вызывали ощущение, которое я никогда не забуду. Одобрительные возгласы, аплодисменты, восторг на лицах,

громада здания со всеми его украшениями и экспонатами, звуки органа (с 200 инструментами и 600 певцами, которые не были заметны), и мой возлюбленный супруг, создатель этой великой «мирной выставки»... был по-настоящему тронут... После того, как пропели государственный гимн, Альберт отошел от меня, встал во главе комиссии... и прочел мне доклад, довольно длинный, а я зачитала краткий ответ. После этого архиепископ Кентерберийский произнес краткую приличествующую случаю молитву, за которой последовало хоровое пение «Аллилуйи» Генделя».

Виктория почти ничего не знала о распрях и ожесточенных спорах, таившихся за блистательной видимостью. К тому же, какая-то часть церемонии прошла экспромтом. Китай по неизвестным причинам отказался прислать экспонаты, но некоторое подобие экспозиции было кое-как составлено из пожертвований частных британских собраний. Но когда отзвучал хор, «из толпы внезапно возник китаец в роскошных одеждах и простерся перед тронном. Кто это был, никто не знал». После поспешного совещания, в котором принимала участие и королевская чета, «решили, что лучше всего поместить его между архиепископом Кентерберийским и герцогом Веллингтонским. Занимая это почетное место, он прошелся по всему зданию к удовольствию и изумлению зрителей»¹¹ — и, несомненно, к собственному, так как был всего-навсего капитаном китайской джонки, стоявшей на реке на якоре в качестве достопримечательности для туристов.

Билеты начали продавать за несколько недель до открытия. Если вы собирались прийти на выставку не один раз, имело смысл купить сезонный билет за 3 гиней. «Чудеса выставки становятся все более явными при каждом новом посещении», писал человек, который изо всех сил старался разглядеть что-то в щели в заборе¹². В первые два дня билет стоил 1 фунт, затем, до 24 мая, пять шиллингов, а когда стали пускать простой народ, 1 шиллинг. По воскресеньям выставка была закрыта. «В субботу с утра и до середины дня она была предоставлена немощным и инвалидам, приехавшим в маленьких экипажах, которых было очень много»¹³.

Альберт питал надежду, что «первым впечатлением, которое эта огромное собрание экспонатов произведет на зрителя, будет глубокая благодарность Всемогущему за ниспосланные нам благодеяния... а вторым — убеждение, что все они могут быть воплощены в соответствии с помощью, которую мы готовы оказать друг другу; стало быть, только путем мира, любви и готовности помочь, не только

⁹ Davis, op.cit.

¹⁰ Woodham-Smith Cecil. Queen Victoria, Her Life and Times, Vol. I. London, 1972.

¹¹ Memoirs of Lord Playfair, цитируется в книге Woodham-Smith, op. cit.

¹² Charles Pugh, упоминается в книге Creaton, op. cit.

¹³ Lardner Dionysius. The Great Exhibition and London in 1851. London, 1852.

между отдельными людьми, но и между народами мира»¹⁴ — предвидение Организации объединенных наций в Гайд-парке. Но взгляды большинства людей были более материалистичны. Их первой реакцией было изумление перед простором уходящего ввысь пространства, наполненного экспонатами, производившими потрясающее впечатление. Одним из экспертов, приглашенных из Франции, был Гектор Берлиоз. Он «ухнул», как индеец из племени могикан [*sic*], в первый раз войдя в здание. «Я издал английское восклицание, которое не было нужды повторять при повторном посещении, и настолько забылся, что при третьем визите произнес французское «*sacrebleu*»»¹⁵.

Даже Шарлота Бронте, известная тем, что боялась толпы, приходила на выставку пять раз: «это чудесное, возбуждающее, приводящее в смущение зрелище со смешанным духом дворца и торгового зала»¹⁶. Когда ваш взгляд начинает фокусироваться, вы видите, что колонны выкрашены вертикальными полосами синего, белого и желтого цвета, контрастирующими с красными указателями, красными портъерами и красными тентами повсюду. Лето 1851 было жарким, наверное, зрительное впечатление от обилия красного, вероятно, было удушающим. Сделав глубокий вдох, вы начинаете двигаться вперед. Возможно, самым разумным было бы выпить чашку чая или стакан лимонада, пока вы привыкаете к окружающей обстановке. Комиссия не разрешила продажу алкоголя во Дворце, что, принимая во внимание предрасположенность британских трудящихся к тому, чтобы напиться, наверное, было мудро. Но то, что предлагали буфеты, вызывало протест. Вот точка зрения посетителя-француза: «Здесь есть несколько буфетов, полных каких-то ужасных кондитерских изделий и отвратительных кремов, которые считаются мороженым ... есть несколько фонтанчиков фильтрованной воды, снабженные маленькими чашечками для питья. ...»¹⁷ если у вас не было желания воспользоваться ими, и вы были не против заплатить, продавались минеральные воды и лимонад, поставленные господами Швеппс.

Говорили, что большинство экскурсантов прихватывало с собой еду и — алкогольные — напитки, которыми подкреплялись, сидя на подставках экспонатов. Их билеты не предполагали повторного входа, поэтому они не могли присоединиться к веселым толпам, устраивающим пикники на траве снаружи. Затем вечная проблема, но благодаря коммерческой прозорливости Джорджа Дженнингса во Дворце

были устроены «уборные и умывальни», куда можно было попасть за пенни. Ими воспользовались более 827 человек, не считая бесплатных писсуаров для мужчин¹⁸. Мистер Дженнингс в письме в Комиссию предсказывал, что «настанет день, когда отхожие места будут устраивать везде, где собирается много народа»¹⁹. Эти общественные туалеты — пример того, что многие вещи, без которых жизнь была бы, по меньшей мере, неудобна, мы принимаем как должное и не благодарим за них викторианцев.

Подкрепившись соответствующим образом, идем на выставку. Большинство направлялось прямо по центральному проходу к знаменитому хрустальному фонтану, изготовленному братьями Оуслер из Бирменгема, — высотой 27 футов, весом в 4 тонны, из бледно-розового стекла, граненого и изогнутого с высочайшим мастерством, — вздымающему воду в воздух, чудесным образом ловящему свет, откуда бы вы на него ни глядели. Фонтан был отличным местом встречи — его нельзя было не заметить. «Полицейский участок каждый день был завален потерянными предметами, теряли все, от зонтиков до детей»²⁰. Куда идти дальше, каждый решал в соответствии с собственным вкусом. Доктор Дионисиус Ларднер, серьезный ученый с особым интересом к железным дорогам, сосредоточился на процессе фотографии и электрической телеграфной системе, железнодорожных поездных двигателях и подвижном составе, восьмицилиндровой печатной машине «таймс», станках для набивки колленкора, которые обслуживались одним человеком с мальчиком-подручным и производили четырехцветную набивку в таких количествах, что раньше для такой работы потребовалось бы 200 рабочих, а также новыми точными технологиями, которые работали с допустимым отклонением в миллионную часть дюйма.

В книге доктора Ларднера о Выставке, опубликованной после ее закрытия, говорилось о пассажирских лайнерах, двигавшихся с помощью пара, «морских пароходах». Трансатлантические перевозки начались в 1836, но «явно провалились». В 1851 Сэмюэл Кьюнард, канадец, получил годовую субсидию в 145 000 фунтов, чтобы наладить еженедельное трансатлантическое сообщение с Нью-Йорком со своей флотилией из девяти пароходов. Доктор Ларднер

¹⁸ Информация любезно предоставлена Майклом Липманом.

¹⁹ Однажды я слышала, как задержку эмансипации французских женщин вполне серьезно доказывали отсутствием женских публичных туалетов. Действительно, когда я училась в адвокатуре, секретарь судьи, не одобрявший женщин-адвокатов, вручил мне огромный ключ, который, как он полагал, я должна буду нести наподобие Экскалибура — он был слишком велик, чтобы положить его в сумочку — и направляться в Кингз-бенч-уок в Темпле к ряду туалетов, таким образом публично демонстрируя свое намерение.

²⁰ Письмо Лемуанна в книге Lardner, op. cit.

¹⁴ Principal Speeches and Addresses of H.R.H., the Prince Consort, 1862, цитировано в: Golby J.M. Culture and Society in Britain 1850-90. Oxford, 1986.

¹⁵ Письмо Гектора Берлиоза включено в книгу Lardner, op.cit.

¹⁶ Gaskell Elizabeth. The Life of Charlotte Brontë. London, 1970 (Folio Society edn).

¹⁷ Письмо мсье Лемуанна включено в книгу Lardner, op.cit.

не обратил внимания на прототип аппарата факсимильной связи²¹, но электрический телеграфный аппарат вызвал у него восторг. На выставке была представлена уменьшенная модель ливерпульских доков с 1600 полностью оснащенными кораблями. Американцы прислали жатку Маккормика и револьвер Кольта, а также швейную машинку — еще не зингеровскую, — очень практичный ножной протез, кровать, которая могла уместиться в небольшом чемодане, и гроб, устроенный так, что похороны можно было отложить до прибытия едущих издалека родственников.

Может быть, вас больше интересует изобразительное искусство. В соответствии с одним из непостижимых правил, выработанных Комиссией, на Выставке не могла быть представлена живопись, но скульптура разрешалась, и статуи произвели неизгладимое впечатление. Можно ли забыть статую принца-консорта, одетого греческим пастухом? Один посетитель выставки с севера страны подробно описал свой визит в Лондон, дополнив его газетными статьями и фотографиями, заботливо вклеенными в красивый томик в кожаном переплете. Ему доставили «большое удовольствие скульптуры, в особенности, задрапированные женские фигуры»²². Драпировка была уложена так, что казалась прозрачной, к тому же в Ньюкасле видишь не так много обнаженных женщин. Он был не единственным, кто получил удовольствие, созерцая женские статуи. Один американский скульптор прислал очаровательную скульптуру греческой рабыни, обнаженной, если не считать хитроумно расположенной цепи. Интерес, который она вызывала, не имел никакого отношения к ее политической значимости. Витражи размещались на верхнем этаже галереи, так чтобы свет мог проходить сквозь панели. Лучше всего их было разглядывать в ясный день, когда краски были ярче, а галерея не так переполнена народом, как на первом этаже.

Экзотическое великолепие индийской экспозиции было бесподобно: шелка, расшитые драгоценными металлами и самоцветами, трон, сияющий серебром и золотом, даже паланкин на спине чучела слона²³. Если вас привлекал Восток, можно было полюбоваться Кохинором, знаменитым бриллиантом, полученным Англией в 1850 г., после англо-сикхских войн 1845–49 и аннексии Пенджаба²⁴. Его прежняя

владелица, жена шаха Шуджи, когда ее попросили оценить бриллиант, ответила: «Если силач бросит четыре камня, на север, на юг, на восток и на запад, и если все пространство между ними заполнить золотом, то все оно по ценности не сравнится с Кохинором»²⁵. Наверное, ей было жаль расставаться с камнем. Бриллиант был выставлен в отвратительной металлической клетке-сейфе 6-ти футов в высоту, его освещал газовый свет, но он, тем не менее, сверкал не так ярко, как ожидалось. (Позднее его отдали на переогранку, после чего он украсил королевскую корону).

Французская часть экспозиции была почти так же великолепна, но более соотносима с британской промышленностью, использовавшей французский опыт в показе техники. Французы зарезервировали себе больше места, чем любой другой иностранный участник, и прекрасно использовали его. Роскошные товары, которыми славилась Франция, включая ткани и модную одежду, дополняли станки, на которых первые были изготовлены. К этой экспозиции примыкал зал с мебелью и другой, с севрским фарфором, с гобеленами и коврами мануфактур Гобеленов и города Бовэ.

Посетители комментировали праздничный вид парка. «Серпантин был очень живописен. На нем был небольшой военный корабль, трехмачтовый, весь увешан флагами, матросы все были на реях [наверное, там было тесновато, на таком небольшом корабле], а рядом плавали гребные лодки»²⁶.

***

Существовали опасения, что преступники всего мира съедутся в Гайд-парк и будут совершать в Лондоне ограбления. И не только преступники, но и политические подстрекатели и революционеры. Россия перестала выдавать паспорта. Неаполь попытался помешать тому, чтобы его граждане, посетив Лондон, «попали под вредное влияние революционных доктрин». Король Пруссии Фридрих Вильгельм запретил своему брату, будущему кайзеру, посетить своего кузена в славный для него момент из-за революционеров. Альберт — чем больше я узнаю о нем, тем большее уважение он у меня вызывает — дал едкий ответ:

«Поскольку затронута Англия, я могу только уверить Ваше Величество, что мы здесь не боимся ни восстаний, ни убийств политических деятелей, что в самом деле здесь

«Одному из кораблей Вашего Величества было приказано прибыть в Бомбей и забрать его, но он не прибыл, и не прибыл спустя еще два месяца... «Медая» отплывает 6 апреля [1850] и, надеюсь, благополучно и быстро совершит переход до Англии». Raymond John (ed.), Queen Victoria's Early Letters. London, 1963 (rev. edn).

²⁵ Raymond, op. cit.

²⁶ Неопубликованный дневник Роберта Джеймса Ли, MS 3224, Wellcome Institute, упоминается в книге Creaton, op. cit.

²¹ Запатентовано Александром Бейном в 1843. Dulken Stephen van. *Inventing the 19th Century*. London, 2001.

²² Неопубликованный дневник У.С. Белла, упоминается в книге Creaton, op.cit. Бедный мистер Белл, он так явно старался, чтобы его прекрасная книжка стала семейной реликвией, предметом восхищения потомков, но она оказалась на распродаже и была — к счастью для историков — куплена Музеем Лондона.

²³ Слон был не из Индии, а из музея в Саффрон-Волден, Learman, op. cit.

²⁴ Маркиз Дальхаузи писал королеве из Симлы 15 мая 1850 о подготовке к его транспортировке. Он послал бриллиант на «Медее».

нашли пристанище многие политические беженцы и, возможно, они входят в сговор друг с другом, но в действительности ведут себя мирно, живут в большой бедности и, наверное, пришли к выводу, основанному на собственном опыте, что английский народ не имеет ничего общего с их взглядами и что Лондон, вероятно, самое неподходящее место в Европе для осуществления их планов»²⁷.

На всякий случай 200 солдат и 300 полисменов, какое-то число детективов в штатском, нанятых иностранной полицией, патрулировали толпу посетителей, чтобы опознать любого негодяя. За все время работы выставки было арестовано всего двенадцать карманников. Несколько детективов-иностранцев сочли, что долг призывает их на ипподром, поскольку в Хрустальном дворце совершенно нечего делать, или проводили вечера за изучением ночной жизни в Сохо или на Хеймаркете, но затем решили, что преступления на родине больше заслуживают их внимания, и возвратились домой.

Кто же посещал выставку? Да, конечно, королева. Она обожала мужа и была нескрываемо и по праву горда признанием, которое он получил. Возможно, ее действительно интересовала представленное Америкой оборудование и «очень любопытные изобретения», что не очень похоже на правду, но американцы были необычайно довольны ее визитом. Она провела часа два, рассматривая оборудование, что вряд ли сделала бы какая другая викторианская женщина, если ее дорогой муж не стоит рядом с сосредоточенным видом. Королева, вопреки правилам, сумела купить множество северского фарфора, но вряд ли кто упрекнет в этом своего монарха. Неоднократно посещая выставку, она, вероятно, провела там часов 50. Она стала прогуливаться среди толпы, что еще больше способствовало популярности королевской семьи. Выставка открывалась в 9 утра, но королева приезжала раньше, а уезжала, когда залы начинали заполняться посетителями. Иногда вместе с ней приезжал Альберт, иногда она появлялась в обычном сопровождении — без большого гвардейского или военного эскорта. Когда посетители узнавали ее небольшую фигуру, она улыбалась в ответ и весело кивала. Вот и все, что можно сказать о мрачных пророчествах прусского короля. Спокойствие королевы кажется удивительным, если вспомнить о неоднократных попытках ее убить или причинить ей вред²⁸.

Герцог Веллингтонский часто совершал сюда неторопливые прогулки из своего дома на Гайд-парк-корнер.

Через семь дней после открытия выставки он писал своему другу: «будет ли какая-нибудь польза от этой Выставки, можно спорить, но в одном я убежден: ничто не может быть более успешным»²⁹. Железный Герцог был любимцем публики, его можно сравнить только с Дианой, принцессой Уэльской. Иногда это оборачивалось угрозой для него: в последний визит герцога поклонники окружили его, другие посетители бросились смотреть, что происходит, и ради безопасности герцога полиции пришлось сопроводить его с выставки³⁰.

После того, как кончилась война за снижение цен, и билет до Лондона стал стоить 5 шиллингов, железные дороги заполнились экскурсионными поездами со всех концов Англии. Условия в поездах были ужасающие, компании не видели причины предоставлять экскурсантам что-то лучшее, чем пресловутые вагоны для перевозки скота, открытые любой непогоде, без всяких удобств. Но это не останавливало желающих посетить Выставку. Томас Кук, по приблизительным подсчетам, привез 150 000 человек посмотреть на Всемирную выставку, в том числе 3000 учеников воскресных школ. Альберт «настаивал на том, чтобы всех школьников посылали посмотреть Стекланный дворец, что, несомненно, увеличивает толпу и очень мешает, поскольку они ходят вереницами»³¹. Виктория отправила на Выставку всех моряков, служивших на королевской яхте. В июне она записала:

«... мы видели три прихода целиком... из Кента и Суррея, (числом 800 человек), идущих вереницей по двое, мужчины в рабочих блузах, со своими женами, которые чудесно выглядят... они записались, чтобы приехать в Лондон посмотреть Выставку, это стоило им всего 2 шиллинга 6 пенсов [она ошибалась, они заплатили всего 1 шиллинг 6 пенсов, на остальное дало субсидию местное дворянство] ... многочисленные фирмы с Севера прислали своих людей... один производитель сельскохозяйственных орудий из Суффолка прислал своих рабочих на двух арендованных кораблях, снабженных койками для сна, кухней и всяческими удобствами... они вытаснены на берег на верфи в Вестминстере»³².

Рабочие двух фабрик приехали на нескольких каретах, украшенных флагами и зелеными ветками, запряженных четверкой лошадей³³. Группы экзотически одетых иностранцев придавали толпе яркости. Восьмидесятичетырехлетняя рыбака из-под Пензанса пришла пешком в Лондон посмо-

²⁷ Цитируется в книге Davis, op. cit.

²⁸ В июне 1840 в королевскую чету стрелял сумасшедший, и чуть было не попал. Беременная Виктория осталась невредимой. В июле 1850 Роберт Пейт, бывший офицер, ударил ее по голове тростью. Капор ослабил удар, у нее не было никаких повреждений, кроме синяка, более слабую женщину эти случаи могли бы лишить присутствия духа.

²⁹ Письмо к леди Солсбери, цитированное в книге: Hobhouse Christopher. 1851 and the Crystal Palace. London, 1950.

³⁰ Leapman, op. cit.

³¹ Веллингтон, в книге Hobhouse, op. cit.

³² Woodham-Smith, op. cit.

³³ Henderson W.O. J.C. Fischer and his Diary of Industrial England 1814-51. London, 1966.

треть Выставку. Дорога заняла у нее пять недель, а возвращение домой пугало ее, потому что у нее оставалось всего пять с половиной пенсов. Она поступила весьма мудро, обратившись с просьбой к лорду-мэру города — очевидно, кто-то научил ее — и он дал ей совет.

Пресса, захлебываясь от восторга, сообщала число ежедневных посетителей. Среднее число в период, когда билет стоил 1 шиллинг, равнялось 50 000, но за два дня до закрытия оно возросло до буквально захватывающего дыхание — 109 915 человек. Общее число посетителей Выставки ко дню ее закрытия 11 октября превышало шесть миллионов. К этому времени светлое время дня сократилось, а некоторые экспонаты сделались невзрачными. Как мог герр Линдт сохранить свой швейцарский шоколад в превосходном состоянии? Сколько повреждений причинила вода? Крыша не была совершенно водонепроницаемой. Вязы, из-за которых было столько разногласий, пожелтели и начали ронять листья. Пришла пора закрываться. Прекрасный фонтан Оуслеров выключили, служащий взмахнул красным флажком, зазвонили колокольчики, и публика медленно, но послушно покинула Выставку.

Хрустальный дворец в Сиднеме

Перенесение в Сиднем — подъездные пути — соружение — цель просветить массы — Архитектурные дворы — алкоголь и работа по воскресеньям — обнаженные статуи — фонтаны Пакстона — вымершие животные — популярные развлечения — музыка — пожар 1936.

Рабочие принялись паковать экспонаты, фонтан Оуслеров был аккуратно демонтирован, холодный ветер поднимал ввысь пучки соломы, с вязов опали листья. Огромное здание блестело в октябрьском тумане, в то время как решалась его судьба. Никто не предполагал, что оно будет постоянным, но что с ним делать теперь? Может быть, все же сохранить для будущего? Это будет чудесный «зимний сад» для лондонцев или концертный зал, которого не хватало в Лондоне, но акустика была ужасной. Альберт не высказывался за то, чтобы сохранить здание, поскольку содержание его обошлось бы недешево. Он намеревался весь значительный доход — 186 000 фунтов — от Всемирной выставки передать музейному комплексу в Южном Кенсингтоне, ставшему впоследствии известным как Альбертополис. 29 апреля 1852 г. Палата общин, наконец, распорядилась дворцом убрать.

К 17 мая была создана Компания Хрустального дворца, главными держателями акций стали Лондон, Брайтон и железная дорога Южного побережья. Главой Компании, как и железной дороги, был Сэмюэл Ланг. Шесть учредителей, включая Пакстона, были связаны с Выставкой в Гайд-парке. Публику призывали подписываться на акции,

обещая огромные дивиденды, финансирование увеличилось, и Хрустальный дворец был куплен таким, каким он стоял в Гайд-парке, за 70 000 фунтов наличными³⁴. Его предстояло возвести заново на 350-акровом пространстве на вершине Сиднемского холма в Норвуде, примерно в шести милях к югу от Лондона. Его великолепное местоположение должно было стать бесплатной рекламой, видимой всем пассажирам, ехавшим по железной дороге Ланга. И это не могло не сработать.

Предполагалось построить две железнодорожные станции, обслуживающие Лондон, Брайтон и железную дорогу Южного побережья. Станция «Нижний уровень Хрустального дворца» располагалась у подножья холма, отсюда вы отправлялись в долгую прогулку вверх по колоннаде со стеклянной крышей. Но в жаркий день вид цветущих растений не всегда служил достаточной наградой за усилия. Другая станция, «Верхний уровень Хрустального дворца», была связана с дворцом изысканно украшенной подземной железной дорогой, построенной каменщиками-итальянцами. Эта станция была открыта в 1865. Пассажиры первого класса ехали по ней, как подобает людям их положения, — если хватало вагонов первого класса. Если же нет, им приходилось садиться в вагоны второго класса, «открытые со всех сторон. (Вагоны для овец, вот самое подходящее для них название)»³⁵. Или они предпочитали свой экипаж, собственного кучера и так далее. Пассажиры третьего класса ехали в обычных вагонах для скота. Некоторые приезжали в омнибусах, дорога, если все шло гладко, занимала от Паддингтона час с четвертью. От Клапама омнибусы отходили по расписанию каждые десять минут.

Рабочие пришли в Гайд-парк без привычной «чугунной бабы». С удивительным терпением и ловкостью все здание из «стеклянных карт» было разобрано на фрагменты, запаковано, перевезено через весь Лондон и выгружено на новом месте. Там, где оно стояло, остался большой участок длинной пожухлой травы. Спустя какое-то время парк приобрел прежний вид, словно там и не было прославившей Альберта Выставки. Перевозка материалов осуществлялась — а как же иначе? — с помощью лошадей. Пара запряженных лошадей втаскивала на Сиднем-хилл двухтонный груз. Мало-помалу 400 тонн стекла и весь чугун, который можно было использовать повторно, более 4000 тонн, переместились на место будущей стройки. Часть стекла разбилась, это было неизбежно, его вернули братьям Чанс, чтобы сделать заново.

³⁴ Piggott J.R. Palace of the People. The Crystal Palace at Sydenham 1854-1936. London, 2004, книга, на которую я — с признательностью — полагаюсь больше всего.

³⁵ Ellis S.V. (ed. and annot.), A Mid-Victorian Pepsy: the Letters and Memoirs of Sir William Hardman. London, 1925.

Тем временем из закрывшихся оранжерей Лоддиджа в Хакни совершал свой путь гораздо более впечатляющий груз. Пакстон закупил большую часть содержимого оранжерей, в том числе пятидесятилетнюю пальму, весившую вместе с землей, окружавшей корни, 15 тонн и достигавшую высоты трехэтажного дома. Она была погружена на специальную повозку с широкими колесами — при этом остается неясным, не повредил ли пятнадцатитонный груз мостовые, — провезена через Лондон и поднята на Сиднем-хилл запряжкой из 32 лошадей³⁶.

Строительство началось в августе 1852 г. Если в Гайд-парке здание было воздвигнуто за восемь месяцев с участием 2260 рабочих, то для возведения нового, постоянного Хрустального дворца в трудном для строительства месте потребовалось 6400 рабочих, и стройка заняла почти два года. Это здание было выше, почти вдвое больше по площади, у него была почти вдвое большая стеклянная поверхность. Несмотря на свою прозрачность, здание было, массивным. Хотя его очень полюбили и продолжали любить в течение всех лет, что оно существовало, его очертания на фотографиях кажутся мне — хотя вкусы различны — слишком властными, угрожающими. Здание было видно с большого расстояния. «Я видел, как оно сияет, даже зимой, от Уормвуд-Скрабс» (на севере Хаммерсмита)³⁷.

В нем было три этажа, использовались те же изысканные модули, которые так удачно были применены в Гайд-парке, но в этот раз было сделано три огромных сводчатых трансепта. Поскольку здание строилось на крутом холме, необходим был мощный фундамент, и в цокольном этаже была устроена не имеющая прецедента система обогрева, состоящая из горячих труб длиной в 50 миль. (Снова и снова поражаешься энергии и новаторству викторианцев.) Не все шло гладко. Четыре раза конструкция обрушивалась, произошло семнадцать несчастных случаев со смертельным исходом. Но к маю 1854 г. здание было почти закончено. С открытием тянуть было нельзя, мог пройти светский сезон, поэтому в июне 1854 шла активная подготовка к открытию, на котором должна была присутствовать королевская чета.

Подумали ли они, сдерживая зевоту: «Неужели все снова? Вряд ли это может быть так же хорошо, как волшебная Всемирная выставка Альберта!» История умалчивает. Королева просила своего премьер-министра передать организаторам, что ей очень понравилась музыка, «лучшее из всего, что Ее Величеству доводилось слышать». Был ли Альберт столь же доволен, можно усомниться; хор из 1800 певцов, поющих «Аллилуйю» мог бы заставить Генделя перевернуться в гробу. Там присутствовали все сильные мира сего. Диккенс

считал, что это «самое большое жульничество, воздвигнутое на многострадальных людских плечах». Рескин, со своей стороны, полагал, что «невозможно переоценить влияние такого учреждения на умы трудящихся — в этих хрустальных стенах пробуждаются стремления, здоровье, интеллект».

***

Ведущей идеей нового Хрустального дворца было образование масс путем предоставления им «Иллюстрированной энциклопедии». С этой целью их ожидал исторический парк, с предысторией на нижнем этаже и путешествием во времени по десяти «Архитектурным Дворам», в каждом из которых были воссозданы в гипсе в соответствии с новейшими археологическими данными, древние здания и статуи. Вдумчивый последовательный осмотр их в сочетании с соответствующим путеводителем давал посетителю возможность охватить всю историю цивилизации.

Там была реплика Львиного двора в Альгамбре и точная копия изысканного мавританского свода, напоминающего сталактитовую пещеру с резными узорчатыми сотами из 5000 отдельных фрагментов, выполненных из желатина. Помпейский и итальянский дворы поражали яркостью красок. Ассирийский дворец охраняли гигантские крылатые и бородатые фигуры. Египетский двор сиял подлинными красками храмов эпохи фараонов, от которых остались лишь крохотные выцветшие фрагменты. Колонны храма в Карнаке были сделаны намного короче подлинных, что позволяло изучить их искусно украшенные капители. Две исполинские фигуры из Абу-Симбела высотой в 51 фут были воспроизведены в раскрашенном гипсе, они возвышались под сводчатой крышей трансепта. Греческий двор был заполнен белыми гипсовыми слепками античных статуй, изысканные, нанесенные временем оригиналам, делали их для посетителей Сиднема еще интереснее. Римский двор был огорожен разноцветным мрамором. Византийский включал копию монастырской галереи восьмого века из музея в Кельне. Средневековый двор поощрял страсть викторианцев к готике. Там был также отдельный двор исторической и современной скульптуры.

Но этот пышный дизайн каким-то образом сочетался с оранжерейными растениями Пакстона, с зоологическими коллекциями, с паноптикумом и с намерением членов правления получать деньги. На множестве великолепных иллюстраций видна зелень, свисающая с любого выступа и растущие всюду пальмовые деревья. Здесь были торговые залы, где продавалось все, от шалей до пианино, от игрушек до мебели. Предприятия Бирмингема и Шеффилда располагали собственными «дворами», торговавшими их продукцией. Посетители, жаждущие просвещения, вдруг оказывались перед манекенами странных людей и коллекцией чучел животных, вплоть до гиппопотама. Над буфетными столами неясно

³⁶ Solman David. Loddiges of Huckney. London, 1955.

³⁷ Bennett A.R. London and Londoners in the 1850s and 60s. London, 1924.

вырисовывались «фигуры различных заморских племен, размахивающие копьями в родных джунглях».

В воспоминаниях о детстве одного из посетителей самым ярким оказалось именно посещение буфета — кто из родителей с самыми лучшими намерениями не приложит усилий, — чтобы привить ребенку культуру, основанную на фаст-фуде?

«Именно здесь я в первый раз попробовал мороженое, и оно оказалось восхитительно большим. Мороженое, выложенное чередующимися розовыми и белыми вертикальными полосками, подавали в стаканах. Бутылки содовой воды с круглым дном тоже были новинкой... Кто-то из родителей должен был решить, сколько потратить на ланч, чай или обед, а потом заплатить за все сразу в окошко, получить на все чеки и отдать их официанту, который приносил соответствующую еду»³⁸.

А кто из родителей не слышал отчаянной мольбы найти туалет? Поначалу мистер Дженнингс, который так старательно оборудовал туалеты в Хрустальном дворце, когда тот находился в Гайд-парке, сурово сказал: «в Сиднеме идут не затем, чтобы мыть руки», но в итоге победил здравый смысл, и поставленные мистером Дженнингсом туалеты в Сиднеме приносили доход в 1000 фунтов в год³⁹. В конце концов, после титанической борьбы был разрешен алкоголь. Еще одна битва разгорелась по поводу того, должен ли Хрустальный дворец быть открыт в воскресенье. Поскольку заявленной целью всего предприятия было образование масс, таким людям, как Мейхью, казалось смешным закрывать его по воскресеньям, в единственный свободный день, в который могли приходиться трудящиеся. Эта битва продолжалась шесть лет. Еще один кризис был вызван скульптурными изображениями щедро одаренных природой мужчин. Всеобщее внимание переместилось с грудастых греческих рабынь Гайд-парка на мужские статуи, на которых не было даже фрагмента цепи. Собрание епископов, в том числе и архиепископ Кентерберийский, и несколько пэров написали в «Таймс» 8 мая 1854 г., меньше, чем за месяц до открытия, утверждая, что такое зрелище уничтожит «природную скромность, одну из опор Добродетели... которую сама Природа поставила на пути Греха». Очевидно, природа не подозревала о побочных эффектах гениталий. Но — что уже было серьезно, — это могло угрожать доходам Компании Хрустального дворца, потому что «десять человек из тысячи в знак протеста отказались посещать Дворец (вместе со своими семьями)». Подобное зрелище могло быть вполне хорошо для античных греков и римлян, но

«мы протестуем против таких обычаев в христианской и протестантской Англии».

Епископы хотели лишь небольших исправлений классических слепков: «удаления частей, которые «в жизни» должны быть прикрыты, хотя... также хотелось бы, чтобы был использован обычный фиговый листок» — неясно только, после «ампутации» или вызывающий возмущение орган мог быть просто прикрыт. Это вызвало небольшую панику. Несмотря на отчаянные поиски гипсовых фиговых листов, 50 статуй в день открытия оставались «неисправленными»⁴⁰. Между тем, какая реклама! (Если подумать, у епископов были основания для протеста). Женскую анатомию выше талии можно было разглядывать каждый вечер в опере и во всех общественных зданиях Уайтхолла. Мужчины могли видеть обнаженных проституток, но у женщин не было подобной возможности. Респектабельные супруги вступали супружескую связь одетыми в длинные ночные рубашки. Женщины могли не иметь понятия о том, как выглядит мужской пенис. После того, как они видели — а представшие их взорам замечательные образчики покоились на изящно вьющихся лобковых волосах, — у них могли появиться новые искушения, но впрочем, вряд ли увиденное могло ввести их в грех.

Пакстон создавал в парке водные сооружения, можно сказать, с маниакальным упорством. Пруды, бассейны, озера, резервуары и каскады, водяные храмы и фонтаны требовали гораздо больше воды, чем могла предоставить местная водная компания. Ничуть не обескураженный Пакстон вырыл колодец у подножия холма и накачивал воду в водонапорные башни, которые сконструировал на вершине. Они вышли из строя и были заменены башнями конструкции Брунеля. Водные сооружения Пакстона становились все более сложными — и более дорогими. Здесь было 11000 фонтанов, в том числе два многоструйных, равным которых не было в мире — они выбрасывали воду на высоту до 280 футов. В июне 1856 Пакстон смог продемонстрировать свои достижения королеве и тысячам зрителей. Один из современников пишет:

«Колеблясь между искушением посмотреть на фонтаны и на ожидаемое прибытие королевы, элегантная толпа не знала, что предпочесть. Колебаниям скоро был положен конец: порыв ветра окропил обреченные шляпки мощным душем брызг, подобным проливному дождю... Те, у кого были с собой зонты, раскрыли их, а тем, кому не посчастливилось, пришлось убежать»⁴¹.

⁴⁰ Piggott, op. cit.

⁴¹ Цитируется по современному источнику: Reeves Graham. Palace of the People. Bromley, Kent, 1986. Экземпляр книги был любезно прислан мне Службой смотрителей парка Кристал-Палас лондонского района Бромли, которая смотрит за животными. Этот раздел парка Кристал-Палас заботливо восстановлен, и его можно посетить.

³⁸ Там же. Эта в высшей степени раздражающая система действовала в советских закуских, не знаю, сохранилась ли она до сих пор.

³⁹ Wright Lawrence. Clean and Decent. London, 1960.

Затем Пакстон оставил управление дворцом, исполненный гордости, но не без беспокойства, что его расточительность в отношении воды чуть не разорила Компанию. Впоследствии чудесное зрелище, «Великая Система», включалась только четыре-пять раз в год в хорошую погоду, и за это нужно было дополнительно платить. К 1894 г. от нее уже мало что осталось.

Но можно было посмотреть на «вымерших животных», стоявших в подходящих местах в парке. Один из игуанодонов достигал 34 футов в длину — в 1853 г. двадцать джентльменов забрались внутрь отливки и устроили там великолепный обед. Все животные были тщательно смоделированы в соответствии с самыми последними захватывающими открытиями палеонтологии. (Отсутствие других, хорошо нам знакомых динозавров, объясняется тем, что к тому времени они еще не были обнаружены). Вымершие животные могли показаться не слишком красивыми, но, несомненно, производили впечатление и служили просвещению.

***

Казалось бы, все было устроено прекрасно. В первый год, несмотря на епископов, в Хрустальном дворце побывало 1 322 000 посетителей, включая 71 000 детей. Но Пакстон исчерпал фонды своими водными сооружениями, денежные поступления от буфетов приносили одно разочарование, к тому же было много финансовых злоупотреблений. Дирекция старалась поддерживать высокие идеалы, которые вдохновили на сооружение архитектурных дворов, но страшный пожар 1866 г. уничтожил колоссальные фигуры из Абу-Симбела, которые так и не были восстановлены, и большую часть северного трансепта, включая экспозицию тропических животных. Чучело гиппопотама сгорело как «большая сухая колбаса».

Постепенно характер огромного выставочного комплекса из образовательного превращался в развлекательный. «Праздник лесного братства» собирал 90 000 участников с луками и стрелами в ярко-зеленой одежде, изображавших обитателей Шервудского леса. Устраивались знаменитые садоводческие соревнования и демонстрации роз. Мальчик, который когда-то лакомился «восхитительно большим» мороженым, помнит «фотографа-художника, который заставлял вас смотреть, не мигая, около двух минут... потом вы уносили домой свой портрет на стеклянной пластинке». (Эта необходимость смотреть, не мигая, из-за большой выдержки объясняет мрачное или озабоченное выражение лиц на ранних фотографиях.) Но прекрасная память этого человека не сохранила никаких «образовательных» зрелищ.

Рассказ другого посетителя впечатляет еще менее: «первое, что обращало на себя внимание, было множество готтентотов и тому подобных [*sic*]». Его компания разы-

скала место, чтобы сесть и отдохнуть «перед органом... безобразным, незаконченным инструментом», потом отправилась смотреть модели кораблей, китайской военной джонки, катера лорда-мэра, затем шуточное представление Панча и Джуди, фокусы и «множество других вещей, про которые мне не хочется писать, у меня нет настроения» — такова участь многих путевых дневников⁴². Манби, этот необыкновенный человек, который вращался в самых фешенебельных артистических кругах, когда не ухаживал за служанками, летом 1861 г. посетил Хрустальный дворец и обнаружил там «большую группу, образовавшую круг для «поцелуев в круг» — женщины, по большей части, были продавщицы и служанки»⁴³.

Известный канатоходец Блондин в то лето приковал к себе взоры около двух миллионов зрителей, прыгая, садясь, кувыряясь, притворяясь, что падает, на канате, протянутом по длине центрального трансепта, и даже жаря омлет на плите, которую носил за спиной. (Несомненно, это была одна из Волшебных печей Сойера, такая компактная, что ею можно было пользоваться в вагоне поезда.) Мисс Лиона Дейр в трико с блестками, держась зубами за трапецию, поднималась в воздух на воздушном шаре синьора Эдуардо Спелтерини. «Огромный воздушный шар мистера Грина, «Континент», совершивший десятки подъемов, стоял, наполненный воздухом, в северном нефе... Однажды летним вечером над Сент-Джеймским парком пролетал какой-то блестящий воздушный шар, приветствуемый дружными криками... Воздушные шары часто поднимались ввысь от Хрустального дворца или из какого-нибудь парка с аттракционами»⁴⁴.

Генри Кроксуэлл, официальный аэронавт Хрустального дворца, поднимал пассажиров на высоту 2000 футов на своем воздушном шаре, наполненном газом с сиднемского газового завода. Он брал 5 фунтов за подъем на более позднем «Гигантском воздушном шаре», имевшем 80 футов в высоту и 50 футов в диаметре. Известный ученый, с которым они вместе изучали погоду, описывает этот опыт:

«На высоте одной мили мощный шум Лондона слышался отчетливо, напоминая шум моря... На высоте трех или четырех миль... Лондон и его пригороды напоминали план, местность выглядела, как карта... извивы Темзы были четко различимы. Железнодорожные поезда ползли, словно гусеницы. Корабли... казались игрушечными»⁴⁵.

Бродячий зверинец Уомбуэлла приезжал в 1864 г. В 1865 Чарлз Брок убедил Компанию разрешить сорев-

⁴² Неопубликованный дневник Patterson J.A., 1858, Wellcome Institute MS 73537, упоминается в Creaton, Unpublished London Diaries. London, 2003.

⁴³ D. Hudson. Munby; Man of Two Worlds. London, 1972.

⁴⁴ Bennett, op.cit.

⁴⁵ Цитируется в Reeves, op. cit.

нования производителей фейерверков, которое он же и выиграл. После этого великолепными фейерверками, сделанными на его семейной фирме, можно было любоваться каждый четверг. Двадцать тысяч человек заплатили деньги, чтобы увидеть первый фейерверк, но, по большей части, их наблюдали из окна собственной спальни, если, конечно, дом стоял в подходящем месте.

Устроителей музыкальных выступлений не пугали акустические изыскания этого огромного пространства, заключенного в металл и стекло. Правление, вдохновленное восторгом королевской пары при хоровом пении на церемонии открытия, устраивало концерты духовной и классической музыки. (Не забывайте, тогда еще не существовало Альберт-холла.) Альберт, наверняка, наслаждался шиллеровским и мендельсоновским фестивалями 1859 и 1860, проходившими на открытом воздухе с факельными шествиями. Приезжие медные духовые и военные оркестры давали регулярные концерты, а городской оркестр выступал с ежедневными концертами популярной музыки и концертами классической музыки по субботам. Генделевские фестивали в 1857, 1858 и 1859 гг. и далее раз в три

года, пользовались огромной популярностью. Хоры из 2500 голосов были хорошо слышны, но как можно было в таком огромном помещении услышать лучшие рулады солиста или солистки? Число певцов, возросшее до 3600 (к 1889 г. было уже 4000 певцов и 4441 музыканта) не вполне решало дело⁴⁶. Никакой рояль не мог преодолеть эти огромные расстояния, необходим был орган, и он, весом в 20 тонн, появился в 1857 г.

Хотя эти «гигантские» концерты могут сейчас казаться нелепыми, на них были впервые исполнены многие произведения, например, все симфонии Шуберта. Хрустальный дворец был центром музыкальной культуры и оставался активной частью лондонской жизни до самой своей гибели в результате пожара в 1936. Сейчас он почти полностью изгладили из людской памяти. Никто, кроме историков, не знает об Архитектурных дворах. Никаким эхом не отзывается чудесная «Великая Система» Пакстона. Если задать вопрос обычному прохожему, что он знает о Хрустальном дворце, он ответит, с каким счетом выиграл последний матч футбольный клуб с тем же названием — «Кристал-Палас».

Список литературы:

1. Bennett, A.R. London and Londoners in the 1850s and 60s. London, 1924.
2. Hudson, D. Munby; Man of Two Worlds. London, 1972.
3. Newsome, D. The Victorian World Picture. London, 1997.
4. Piggott, J. R. Palace of the People. The Crystal Palace at Sydenham 1854-1936. London, 2004.
5. Woodham-Smith, C. Queen Victoria, Her Life and Times, Vol. I. London, 1972.
6. Wright, L. Clean and Decent. London, 1960.

Bibliography:

1. Bennett, A.R. London and Londoners in the 1850s and 60s. London, 1924.
2. Hudson, D. Munby; Man of Two Worlds. London, 1972.
3. Newsome, D. The Victorian World Picture. London, 1997.
4. Piggott, J. R. Palace of the People. The Crystal Palace at Sydenham 1854-1936. London, 2004.
5. Woodham-Smith, C. Queen Victoria, Her Life and Times, Vol. I. London, 1972.
6. Wright, L. Clean and Decent. London, 1960.

---

⁴⁶ Единственное, с чем я могу это сравнить, – собственное участие в «случайном» представлении «Мессии» в Альберт-холле. «Случайном», поскольку любительский хор был собран со всей страны и пел без репетиции, причем для непоющих слушателей оставалось немного места. Обычно сопрано отделены от альтов, тенора от басов, но хор, в котором я принимала участие, мог сидеть вместе в ложе, в глубине которой находился стол. Стол мы заставили бутылками и стаканами. Не представляю себе, как звучал наш хор в целом, но смысл этого представления был в развлечении, а не в музыкальном совершенстве. Должна сознаться, что петь хор «Аллилуйя» гораздо легче, когда время от времени смачиваешь горло глотком красного вина. Альберт-холл рассчитан на 7000 человек, ничто по сравнению с Хрустальным дворцом, но громкость нашего пения оглушала меня.